

П. А. Вяземский

О Державине

Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. -- М.: Худож. лит., 1982. -- Т. 2. Литературно-критические статьи. Сост., подг. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. 1982.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Угасло одно из светил поэзии нашей, лучезарнейшее светило ее! Державина нет! Смерть похитила в нем у муз почтенного их Нестора, у отечества -- мужа знаменитого, прешедшего со славою и пользою поприще долгой жизни, у ближних и друзей -- добродушного старца, украшенного семейственными добродетелями. Пускай другие следуют за ним на пути гражданской службы, застают его простым рядовым на часах в день восшествия на престол Екатерины II и потом с удивлением увидят его любимцем, статс-секретарем и певцом Екатерины Великой: мы кинем взгляд на его поприще литературное.

Утратою великих людей, сею горестною ценою покупается прискорбное право говорить о них свободно. С одной стороны, недоброжелательство не упрекнет критика лестию; с другой, -- страх оскорбить раздражительное самолюбие не увлечет его за границу надлежащих похвал.

Державин, как другой Ломоносов, создал сам себя. Судьба не уравнила пути, по которому он должен был достигнуть до первых степеней государственного человека и вершины славы пиитической. -- Первые порывы пиитического таланта ознаменовались в гвардейском сержанте. После того оды, написанные при горе *Читалагае* и напечатанные в 1777 году¹, из которых многие переправленные явились после в свет под другими названиями, показали малому тогда числу любителей поэзии достойного наследника лиры Ломоносова, а прозорливому взгляду просвещенных судей -- и будущего победителя сего творца и образователя русской поэзии.

Светильник наук в первые годы его молодости не озарял перед ним мира, в котором тогда единственным вождем и истолкователем его таинств был ему вдохновенный гений его, душа пылкая и ум прозорливый и наблюдательный. Первыми его учителями в стихотворстве были, кажется, Ломоносов и Петров. У первого он научился звучности языка пиитического и живописи поэзии; у другого похитил он тайну заключать живую или глубокую мысль в живом и резком стихе -- тайну, совершенно неизвестную Ломоносову.

В скором времени Державин сравнился с наставниками и, конечно, превзошел Петрова. Не долго, однако же, следовал он по дороге, проложенной его предшественниками. Своенравный гений его, испытавший богатство и свойство языка почти нового, пробил себе путь особенный, на котором не было ему вожатого и не будет достойного последователя. Без сомнения, если многие из од Державина могут разделиться на определенные роды: *Пиндарический*, *Горацийнский*, *Анакреонтический*², то многие по всей справедливости должны назваться *Державинскими*. И строгий законодатель вкуса и правил не усомнится прибавить новую статью к своей пиитике. Какая словесность древних или новейших народов могла служить ему образцом для од: "Фелица", "Изображение Фелицы", "Видение Мурзы", "Осень во время осады Очакова", "Счастье", "На походы в Персию", "Вельможа" и пр.? Не говорю уже об оде "На смерть Мещерского" или "К первому соседу", где, конечно, наш поэт, следуя Горацию, одел глубокие истины и философию прелестью поэзии, но кисть и краски занял он не у римского поэта. Не говорю уже о "Водопаде", где все дышит дикою и ужасною красотою, где поэзия победила живопись, но где, к сожалению, не видно единства в расположении и приметно, что поэт (как точно, говорят, и было) составил свою поэму в разные времена и из разных частей. Пьесы вышеназванные и некоторые другие можно назвать рудниками поэзии, сокровищем опасным, до которого на свою гибель дотронется рука легкомысленного последователя. Из всех поэтов, известных в ученом мире, может быть, Державин более всех отличился оригинальностью, и потому род его должен остаться неприкосновенным. Природа образовала его гений в особенном сосуде -- и бросила сосуд. Державину подражать не можно, то есть Державину в красотах его. Подражатели его заимствуют одни пороки, но ни одной красоты, ни одной мысли, ни одного счастливого выражения из могущественной и упрямой руки гения не исторгнут. Но если Державин, как создатель рода, до него неизвестного, сорвал вечнозеленую пальму поэзии, то и по творческим подражаниям он может занять место наряду с величайшими поэтами. Сомневаюсь, чтоб Анакреон превзошел нашего певца в прелести и простоте стихотворений, освященных его именем; разве, может быть, по достоинству слога, о котором одни современники его могли судить безошибочно, но,